

НА КУХНЕ

1914

Милева сидит за кухонным столом. Лето. Раннее утро. Через открытое окно проникает ночная прохлада.

Она ладонью разглаживает исписанные от руки листы бумаги. Знает, что они от Альберта, но переворачивает их и изучает подпись, словно все еще не веря, что он мог что-то такое написать. Хотя ей и трудно поверить, она слишком хорошо знает почерк своего мужа: наклонные буквы, характерные витиеватые L и N. В его почерке так много завитков, что даже фальсификатору было бы трудно его подделать. Если бы Альберт подписался только буквой А, она бы все равно поняла, что это от него. Она получила достаточно его писем, много раз видела, как он вычурно подписывается. Глядя на послание, полученное вчера, она не ощутила, что в какой-то момент он остановился и засомневался. Напротив, почерк ровный, рука уверенная. Милева узнала даже синие чернила, — она приобрела их для него в Цюрихе, в писчебумажном магазине, где обычно покупает бумагу в пачках и школьные тетради для Ганса Альберта.

Она читает письмо, которое вчера принес коллега мужа — Фриц Габер¹. Альберт, как настоящий трус, не осмелился вручить его лично.

Берлин, 18 июля 1914 года^{*2}

Условия:

А. Ты будешь заботиться:

- 1) о том, чтобы моя одежда, нижнее и постельное белье всегда были чистыми;*
- 2) о том, чтобы я получал трехразовое питание у себя в комнате;*
- 3) о том, чтобы моя спальня и кабинет содержались в порядке, а особенно, чтобы моим столом не пользовался никто, кроме меня.*

В. Ты откажешься от всех личных отношений со мной, если только это не потребуется по социальным причинам. Особо ты будешь воздерживаться от:

- 1) моего общения с тобой дома;*
- 2) совместных путешествий.*

¹ Фриц Габер (1868–1934) — немецкий химик, лауреат Нобелевской премии (1918). — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Цитаты, обозначенные *, взяты из подлинных писем. — *Прим. авт.*

С. В отношениях со мной ты будешь придерживаться следующих правил:

- 1) не будешь ожидать от меня близости и не будешь меня ни в чем упрекать;*
- 2) перестанешь со мной разговаривать, если я тебя об этом попрошу;*
- 3) немедленно и без протестов покинешь мою спальню или кабинет, если я этого потребую;*
- 4) не будешь подрывать мой авторитет перед нашими детьми ни словами, ни действиями.*

«Это просто письменное подтверждение ситуации, в которой я оказалась, — думает Милева. — Если не соглашусь на эти унижительные условия, то совместной жизни придет конец».

Она кладет бумаги на стол и подходит к окну. Опирается на деревянную раму. Затем касается пальцами стены, как будто боится упасть. Чувствует необходимость дотронуться до чего-то прочного и неизменного. Словно ей требуется подтверждение, что она здесь, что жива. Сознает, что в ночной рубашке и с растрепанными волосами выглядит жалко. Но на кухне пока нет никого, кто мог бы увидеть, как она неуверенно двигается и часто моргает, пытаясь сдержать слезы. «Я больше не могу плакать, — говорит она себе. — Мне надо взять себя в руки и решить, что делать».

Милева глубоко вдыхает утреннюю свежесть. Окно кухни выходит во двор. Берлинский серый — так она называет мрачный цвет фасадов, улиц, дворов. В этом городе ей не хватает вида на горы и зелень, к которым она привыкла в Цюрихе. Ей не хватает света. Ей не хватает воздуха. Запах вчерашнего ужина — жареных сосисок и картофельного салата — все еще тянется по кухне. На плите жирная сковорода и фарфоровая миска с остатками еды. Хлеб на столе зачерствел. Служанка Фрица и Клары³ Габеров — друзей, к которым она с мальчиками приехала дней десять назад, — еще не пришла. Милева и сама могла бы вчера вечером убрать еду в кладовку. Но не было сил. Сломленная «Условиями» Альберта, она настолько ошеломлена, словно ее только что сильно ударили по голове. «Так наверняка чувствует себя боксер после боя», — думает она.

Когда вчера вечером она прочла это его «письмо», то сначала изумилась. Потом у нее случился приступ смеха. «Условия» Альберта напомнили ей предупреждения, вывешенные в деревенских кондитерских: «Не причисываться!», «Не плевать на пол!». Наверное, совершенно бесполезные, поскольку посетители, для которых они предназначены — те, кто испытывает соблазн достать расческу перед зеркалом в кондитерской

³ Клара Иммервар-Фабер (1870–1915) — немецкий химик, борец за права женщин.

или плюнуть, — в большинстве своем не умеют читать. Сама она смогла в этом убедиться, когда летом заглянула в такую кондитерскую, единственную в Каче — деревне, где находится имение ее родителей, — и увидела парня, поправляющего прическу перед зеркалом на стене, прямо рядом с письменным предупреждением.

Ей вспомнилось, как ее и подругу Десанку сместило объявление, висевшее в их школьном туалете. Там говорилось: «Мойте руки перед едой и после опорожнения тела». Их забавляло сочетание слов «еда» и «тело». Если кому-то из них нужно было отправиться в «одно место», как называли его тогда, они просто говорили: еда — тело.

«Эти “Условия” Альберта выглядят как предупреждение о еде и теле», — подумала она. «Дорогая Милева, просто мой руки как следует, не плюй на пол, не причесывайся в кондитерской, прикрывай рот рукой, когда кашляешь, не рыгай на людях, скрещивай ноги, когда садишься, молчи, пока к тебе не обратятся, и веди себя примерно, как хорошая девочка, тогда все будет хорошо», — сказала она себе. На нее напал истерический хохот, а потом она все не могла поверить, что Альберт написал это всерьез. Как он смеет выдвигать ей условия совместной жизни! Ей, Милеве, на которой он женат уже одиннадцать лет, матери его двоих сыновей! Гансу Альберту десять лет, а Эдуарду на днях будет четыре.

Она скомкала листы и бросила их на пол.

Смех помог ей лишь на мгновение, немного перевести дух. Милева не могла сразу принять тот факт, что его «Условия» реальны. Поняла это, только когда почувствовала реакцию тела. Только когда ощутила пустоту в груди, когда не смогла сделать вдох, когда сердце подпрыгнуло, как взбесившаяся кошка, выпустившая когти, чтобы вырваться из грудной клетки, когда почувствовала хорошо знакомую боль. Она знала, что именно эта боль — ее мера реальности, ее верное напоминание. Боль всегда появляется, когда по какой-то причине Милева отказывается принимать то, что с ней происходит. Ей едва удалось не погрузиться в состояние полной безнадежности. Боль предупреждает ее. «Пока мне больно, я, по крайней мере, знаю, что жива», — думает она, прислонившись к стене кухни.

Бессонная ночь осталась позади. Милева знает, что слабость, которую чувствует этим июльским утром, — всего лишь следствие вчерашнего шока. Слабость обычно предшествует приступу мигрени и тошноты. Головной боли она боится больше всего, потому что та по несколько дней держит ее в постели. Она уже чувствует, как тупая боль в затылке превращается в колющую и становится все сильнее. А после мигрени обычно надолго наступают апатия и оцепенение, которые ее ужасают. Ведь она не одна, у нее есть дети. Решение, которое ей сейчас предстоит принять, касается и их.

«Я не должна позволить себе сломаться. Надо что-то предпринять, чтобы не разболелась голова. Мальчики сейчас проснутся! Где же это новое лекарство, куда я его положила?» — думает Милева, нервно копаясь в сумочке. Достает два пакетика порошка и выпивает его, растворив в стакане воды. Затем вертит стакан в руке. Ждет, когда боль отступит, остановится перед препятствием, попадет в ловушку, которую только что расставило для нее лекарство. Не остается ничего иного, как сидеть и ждать, пока она не пройдет.

Вчера вечером, несколько раз прочтя дерзкое послание Альберта, она пожелала Габерам спокойной ночи и попросила Ганса Альберта помочь ей дойти до кровати. Клара принесла ей чай. Она тоже прочитала «Условия», но ей они совсем не показались смешными. Нет, особенно после того вечера, когда Милева с детьми появилась у ее двери. «Альберт снял квартиру, нам некуда деваться», — просто сказала ей Милева. Разумеется, Клара пригласила остаться у них с Фрицем. Дети были сонными, а Милева — бледной и растрепанной. По ее лицу Клара увидела, что та в полном отчаянии. Уложив детей, Милева рассказала, что поссорилась с Альбертом, потому что он снял квартиру. «Как он вообще мог снять квартиру, не сказав мне об этом? Альберт сделал это, чтобы вынудить нас вернуться в Цюрих», — сказала она Кларе. Она не стала вдаваться в подробности, даже

в таких обстоятельствах оставаясь сдержанной. Не рассказала, как до нее дошли слухи, что Альберт влюблен в свою кузину Эльзу. Она слышала, что об этом говорят в Институте⁴; возможно, Фриц тоже слышал и рассказал Кларе. У Милевы не было сил упоминать об этом, как и о том, что она уже некоторое время подозревает Альберта в неверности. Клара не утешала ее, потому что знала: в этом нет смысла. Она просто держала Милеву за руку, а по щекам той текли слезы. Прикосновение руки Клары было теплым и уверенным. В тот момент Милеве не на что было опереться, кроме как на прикосновение почти незнакомой женщины.

Так они провели вечер, две женщины, одни на кухне. Между ними стол с тарелками и остатками ужина. И печаль, лежащая на них, как тяжелая мантия.

Милева снова подходит к окну и без сил опускается на стул, словно путь сюда от стола тянулся несколько километров. Ей понятно, что это всего лишь физическая реакция на психологический удар, полученный от Альберта. Она плохо себя чувствовала в Берлине еще до этого события, приехала сюда, потому что Альберт так захотел и у нее не было выбора. Девять лет

⁴ Институт физической химии и электрохимии им. кайзера Вильгельма, основан в 1911 г. В настоящее время носит имя Ф. Габера.

он работал в Патентном бюро в Берне⁵, после чего недолго был профессором в Политехникуме⁶ в Цюрихе, а потом и в Праге⁷. И вот теперь наконец получил должность, которая позволяла ему уделять больше времени исследованиям и научной работе, а также обеспечивала более высокое жалование: он стал членом Прусской академии наук, профессором и директором нового Физического института имени кайзера Вильгельма. Что она могла сказать, чтобы он отказался от предложения? Что ей и мальчикам будет лучше в Цюрихе? Что там она привыкла жить и чувствует себя более уверенно? Что мальчикам будет трудно освоиться на новом месте? Возможно, Альберт даже согласился бы с некоторыми из ее доводов, но, когда он сказал, какое жалование ему предлагают, она не осмелилась возражать против переезда. Деньги им были нужны, а она не зарабатывала. У нее не было выбора. Ей пришлось последовать за ним.

Три месяца назад, переехав из Цюриха в Берлин, они нашли квартиру на Эренбергштрассе. Милева не сразу ее обустроила. У нее было ощущение, что они там временно, поэтому некоторые чемоданы остались нераспакованными. Все еще стоят в коридоре, рядом с ящиками

⁵ Федеральное бюро патентования изобретений.

⁶ Высшее техническое училище.

⁷ Карлов университет в Праге. В 1911 г. А. Эйнштейн возглавил кафедру физики.

с посудой и постельным бельем, загораживая проход в комнаты. Когда она делала замечания мальчикам за неопрятность, старший, Ганс Альберт, бунтовал. «Мы все еще переезжаем, мама», — говорил он.

Поначалу это ее беспокоило, и она упрекала себя, что у нее не хватило желания наконец-то обустроить новый дом. А теперь, прочитав «Условия» Альберта, она думает, что не сделала этого не потому, что у нее было дурное предчувствие. Но почему? В том, что Альберт часто отсутствовал, не было ничего необычного. Может быть, потому что он хмурился и его все раздражало? Даже приставания маленького Эдуарда, которого ласково называли Тэтэ⁸, с вопросом, когда они вдвоем пойдут гулять. Еще недавно Альберт сажал его к себе на колени и терпеливо объяснял, как по небу движутся планеты, или рассказывал ему сказки. Теперь он просто грубо его обрывал. Искал отговорку, чтобы выйти куда-нибудь вечером. Возвращался поздно. Потом перебрался в другую комнату.

Настроение его быстро менялось. Обычно для Милены это было признаком, что его что-то мучает, но на ее вопросы он не отвечал.

Она припомнила, что два года назад, после поездки в Берлин, он получил поздравительную открытку,

⁸ Домашнее прозвище Эдуарда Эйнштейна, от *petit* (фр.) — малыш.

которая вызвала у нее подозрения. Открытка была от кузины Эльзы Лёвенталь, и в ней не было ничего странного, за исключением того, что она никогда раньше ему не писала. Когда Милева упомянула об этом, Альберт не отреагировал с иронией, как обычно, а разозлился. «Какое тебе дело? Откуда ты знаешь, что она не писала мне раньше?» — рявкнул он. — «Альберт, почему ты так разговариваешь? Почему ты на меня кричишь?» — Она прикоснулась к его пиджаку, но он грубо ее оттолкнул.

«Какой же я была жалкой! Почему я думала, что такое с нами никогда не может случиться?»

Прочитав «Условия», Милева попросила Фрица передать Альберту, что согласна на все. Она понимала, что делает это от бессилия. Что ей остается? Какие у нее есть возможности? Нет ни денег, ни работы, нет и наследства. Милева и раньше чувствовала себя боксером на ринге, привыкшим получать удары. От рождения хромая, она терпела насмешки сверстников, а потом и других людей из провинции, когда захотела получить высшее образование, будучи женщиной. Терпела высокомерие матери Альберта, пережила потерю первого ребенка. В юности она часто злилась на себя, потому что привыкла молча сносить удары. Это означало определенную склонность к попустительству, пассивности. Склонность к капитуляции. Возможно ли, что и теперь она капитулирует

перед болью и не ответит ударом на удар? Она просто струсит, как и Альберт?

А потом, закрыв за собой дверь спальни и оставшись в одиночестве, Милева почувствовала, как вся ее накопившаяся горечь превращается в гнев. «Так почему же я согласилась на такое унижение? Кто он такой, чтобы думать, что может обращаться со мной как с прислугой? Условия? Правила? Лучше бы он сам их сжег, чтобы не опозориться, если они попадутся кому-то на глаза. Воспитание не позволяет мне жить рабыней. Отец давал мне образование не для того, чтобы я стирала мужу белье и молча подавала ему еду!»

Этот поступок Альберта пробудил в ней нечто, чего она давно не чувствовала, — гордость. Словно она опять маленькая хромающая девочка, которая снова возвращается домой в одежде, испачканной грязью. На следующий день надевает чистое платье и идет в школу, где с теми же самыми детьми, которые вчера дразнили и били ее, сидит в том же классе, как будто ничего не произошло. Она не хочет показывать им, что они ее оскорбили. Просто она будет лучше их, лучшей. Она запомнила слова отца: «Ты должна найти способ показать им, чего ты стоишь».

В мужской гимназии в Загребе сверстники притворились, что не видят ее, когда она вошла в класс на урок физики, толкались и говорили ей гадости вполголоса. Однако в конце года у нее были самые лучшие оценки.

На школьном балу она тщетно ждала, что кто-нибудь к ней подойдет пригласить на танец. А потом возвращалась домой, задыхаясь от слез. Но в следующий раз на танцах она играла на фортепиано, и все ей аплодировали. Когда она стала единственной женщиной, поступившей в Политехникум в Цюрихе, ее встретили те же взгляды, что и хромающую девочку. Словно она какой-то монстр, а не женщина. Тогда из глубины гнева в ней поднималось спасительное чувство гордости, и на мгновение она забывала, что иная и потому слабее.

Вот так будет и теперь. «Альберт, ты просчитался. На этот раз ты слишком далеко зашел со своими требованиями. Ты меня оскорбил, ты запятнал все годы, что мы провели вместе. Ты не заслуживаешь, чтобы я оставалась с тобой. Я уйду от тебя, потому что ты больше не тот человек, которого я знаю», — вот что она ему скажет.

Она всю ночь не сомкнула глаз, лежа рядом со спящими мальчиками. На чужой кровати, в чужой комнате, в чужом городе. Еще до наступления утра Милева решила, что вместе с детьми как можно скорее покинет Берлин. Вернется в Цюрих. Утешает, что Альберт, скорее всего, не захочет оставлять сыновей, — если это вообще может служить утешением. Что он будет с ними делать? Отдаст в школу с полным пансионом? Более того,

она потребует от него пообещать, что он никогда, никогда не будет оставлять мальчиков со своими родственниками! Его матери Паулине будет нетрудно с этим согласиться, она из-за Милевы так и не полюбила внуков. Но Альберту будет не хватать прогулок с Тэтэ и походов в горы с Гансом Альбертом.

Милева больше не видит смысла находиться в Берлине. Она не сможет остаться, даже ради благополучия мальчиков. Не ценой выполнения его «Условий». Ни шок, ни слабость, ни надвигающаяся мигрень ее не остановят. Особенно после того, как за первым письмом тут же последовало второе, не менее отвратительное. В нем Альберт объяснял:

Я готов переехать обратно в нашу квартиру, потому что не хочу потерять своих детей и не хочу, чтобы они потеряли меня, это единственная причина. После всего, что произошло, о дружеских отношениях не может быть и речи. Это будут лояльные деловые отношения, личные аспекты должны быть сведены к минимуму. Взамен заверяю тебя, что буду вести себя подобающе, так, как вел бы себя с любой другой посторонней женщиной. Моего доверия к тебе достаточно для таких отношений, но только для них. Если ты так жить не сможешь, то я приму необходимость развода.*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru